

Swietłana Waulina, Irina Kuksa

Газетный текст как средство выражения субъективно-модальной оценки исторических фактов : (на материале первой русской газеты "Ведомости")

Acta Polono-Ruthenica 16, 455-463

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Swietlana Waulina, Irina Kuksa
Kaliningrad

Газетный текст как средство выражения субъективно-модальной оценки исторических фактов (на материале первой русской газеты „Ведомости”)*

В последние десятилетия в лингвистике произошел заметный поворот к интенсивному изучению содержательной структуры языка. Именно поэтому главной задачей исследований, „ознаменованных” последовательным вниманием к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований, становится решение вопросов не столько о том, **что** происходит в языке и речи, но в первую очередь о том, **как** происходит.

С этой точки зрения особую актуальность приобретает исследование универсальных семантических категорий, формирующих содержательную ось высказывания и раскрывающих его коммуникативную перспективу. В числе таких категорий находится модальность, интерес к которой, несмотря на достаточно долгий срок ее изучения, не только не уменьшается, но, напротив, усиливается, и его можно сравнить, как справедливо отмечает Зинаида Тураева, с „бумом” исследований по метафоре¹. И в основе этого интереса лежит рассмотрение языка как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена.

При этом эпицентр внимания специалистов по модальности с языкового пространства переместился в текстово-дискурсивное, которое, в силу своей авторизованности, характеризуется особой сложностью и диффузностью модальных отношений. „Как только предметом рассмотрения, – отмечает Людмила Бабенко, – становится текстовая модальность, стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается,

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-00172-а.

¹ З. Я. Тураева, *Лингвистика текста и категория модальности*, „Вопросы языкознания” 1994, № 3, с. 114.

размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие², а в самом тексте большую роль приобретает так называемая авторская модальность. Неслучайно она является объектом целого ряда монографических и диссертационных исследований, а также многочисленных статей.

Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о структурно-содержательной природе авторской модальности, отметим лишь, что она по-разному проявляется в текстах различной жанровой принадлежности. Так, если в художественном тексте она раскрывается не только через образ автора, но и через всю образно-содержательную систему произведения, а сама авторская позиция часто имеет имплицитный, неявный характер выражения, то, например, в публицистическом тексте, в том числе и в газетно-публицистическом, выражение авторского „я”, как правило, является принципиально важным для автора, поскольку его главная цель – открыто донести до читателя свои мысли, свои представления и оценки. Поэтому „степень авторизации здесь чрезвычайно высока и авторская модальность, как правило, эксплицирована”.

Газетный текст привлекателен для исследователей еще и тем, что он является в известной мере идеальным для изучения прагматического аспекта языка, поскольку газетный дискурс, оперативно реагируя на самые последние события в экстралингвистической действительности, отражает происходящие изменения в языковой картине мира, сохраняя при этом глубокую антропоцентричность. И можно назвать целый ряд исследований, посвященных изучению данного аспекта на материале газетной публицистики. В России это работы ученых Саратовского, Воронежского, Уральского университетов, а также Балтийского федерального университета им. И. Канта, среди зарубежных исследований это, например, работы профессора Иоанны Коженевской-Берчиньской. Однако почти все эти исследования выполнены на материале современных газет, в то время как представляется принципиально важным обращение к диахроническому аспекту по крайней мере по двум основным причинам. Во-первых, модальность относится к категориям, имеющим, по выражению академика В.В. Виноградова, историческую изменчивость содержания и форм обнаружения³, а во-вторых,

² Л. Г. Бабенко, *Оценочный фактор в формировании модального пространства текста, Оценки и ценности в современном научном познании. Сб. науч. тр.*, Калининград 2009, с. 134.

³ В. В. Виноградов, *О категории модальности и модальных словах в русском языке*, [в:] В. В. Виноградов, *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*, Москва 1975, с. 57.

определенным стимулом для диахронического изучения модальности может служить высказывание академика Л.В. Щербы о том, что в языке могут быть ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов⁴.

Применительно к языку газетных текстов одним из таких первоисточником для нас может служить Петровская эпоха, ознаменованная серьезными реформами в экономической, политической жизни, что самым непосредственным образом нашло отражение в языке.

Говоря о языковой ситуации указанного периода, необходимо отметить тот принципиально важный факт, что в XVII веке в России сложились исторические условия для образования нации, а литературный язык русской народности вступил в полосу преобразований, которые в XIX веке привели к созданию литературного языка русской нации. В этот период происходят такие важные процессы, как возникновение демократической литературы, формирование различных языковых жанров, в том числе публицистического, сближение литературного языка с разговорным. В данный период „деловая речь выступает как один из важных и активных стилей народно-литературного типа языка”, происходит заметное сужение сферы распространения книжно-славянского языка. В Петровскую эпоху все указанные процессы „проявились с еще большей силой и вызвали не только количественные, но и качественные изменения в структуре и системе литературного языка”⁵.

Петровская эпоха была ознаменована и появлением первой русской печатной газеты «Ведомости», которая выходила четверть века – с 1702 по 1727 г. Данная газета, которую чаще всего в истории журналистики квалифицируют как официально-казенное и информационное издание, содержала разнообразный материал о событиях в стране и за рубежом. В ней публиковались письма царя, донесения русских дипломатов, реляции военачальников. Такой характер газеты, в свою очередь, обусловил и другие ее параметры, например, отбор материала, приоритет новостей внутривосточного и международного характера, а также придворных новостей, стандартизация способов передачи информации и др. При этом позиция автора текста даже в условиях его формальной анонимности

⁴ Л. В. Щерба, *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, Ленинград 1958, т. 1, с. 3.

⁵ А. И. Горшков, *Теория и история литературного языка*, Москва 1984, с. 148.

(отсутствие самоидентификации автора в виде привычного для современных газет сообщения его персональных данных – имени и фамилии, псевдонима, здесь достаточно заметна. Как отмечает Александр Тошев, „авторы, даже безапелляционно причисляющие «Ведомости» к чисто информационному органу, помимо своего желания утверждают наличие в газете и некоторой публицистичности, ведь письма писали конкретные люди и отправляли их конкретным лицам”⁶.

В текстах газет выражение субъективно-модальных смыслов во многом основывается, как известно, на авторской интенции, на его намерении представить «положение дел» (факт, событие) не только (а порой и не столько) с точки зрения временного фактора (произошло, происходит или произойдет), но и с точки зрения его возможности/ необходимости/ желательности. В ряде случаев изображаемое квалифицируется как возможное/ необходимое/ желательное на основе мнений экспертов, профессионалов, статистики, аналитики и пр. Порой же подобная квалификация обусловлена мнением самого автора газетного текста, что становится в определенном смысле актуализатором соответствующих субъективно-модальных значений, выражающихся с помощью различных языковых средств, и прежде всего посредством сочетаний модальных глаголов и предикативов с зависимым инфинитивом, составляющих ядро плана выражения так называемой ситуативной модальности.

Проиллюстрируем на ряде примеров, как соответствующие субъективно-модальные значения реализуются в газете „Ведомости”.

Наиболее часто в „Ведомостях” содержится информация о событиях с точки зрения возможности (или, напротив, невозможности) их совершения, т.е. реализуется модальное назначение возможности.

Ср.: „Всяк беспристрастный *познать может*, что Его Величество в сей войне имеет великодушные и умеренные поступки”; „Англинской флот держит пристань Мессину в облежени, так что ни один Гишпанский корабль *не может* оттолъ *вытти*, ниже туды войти”; „Такое множество руд сыскано, что *надеяться можно* ежегодно около 1000 пуд чистой меди *выплавить*”; „По той линии крепости сделаны и в них гарнизоны быть имеют, в такой силе, чтоб кубанцам *проходить* в рубежи Российские *было невозможно*”.

Как видно из приведенных примеров, в качестве экспликаторов значения возможности выступают модальный глагол *мочь* и модальные

⁶ А. И. Тошев, *Петровские «Ведомости» как тип издания*, [в:] *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века*, Ленинград 1989, с. 190.

предикативы *можно*, *не можно*, *невозможно*, которые, относясь к плану выражения объективной модальности, сами по себе не выражают авторского отношения к сообщаемой информации с точки зрения степени его уверенности в обязательной реализации того или иного потенциального действия, номинируемого зависимым инфинитивом. Вместе с тем из контекста очевидно, что автор информации тем не менее пытается обосновать его вероятность.

Так, например, употребление местоимения *всяк* в первом из приведенных примеров подчеркивает массовый характер субъекта действия (познать может каждый, любой), а включая в предложение прилагательное *беспристрастный*, автор фактически устанавливает зависимость совершения обозначенного инфинитивом действия от наличия определенных качеств (способности быть беспристрастным, независимым при оценке коронованных особ) субъекта; во втором, третьем и четвертом примерах актуализатором значения уверенности автора газетного текста служит содержание главного предложения, в котором даются указания на условия возможности (или, напротив, невозможности) осуществления действия („английский флот держит пристань в облежени”, „множество руд сыскано”, „гарнизоны быть имеют в такой силе”).

Иногда газетный текст отражает такую коммуникативную ситуацию, когда роли автора текста и участника событий совпадают, при этом оценка действия как невозможного косвенно сопрягается со значением абсолютной достоверности и высокой степени уверенности, поскольку формулирует эти оценки очевидец. Например: „Бедственного нашего состояния никак *описать не можно*”.

По сути подобный „эффект включенности” и тактический прием „свидетельство очевидца” задают прообразные черты жанра „репортаж”. Неслучайно исследователь А. И. Тощев указывает, что многие информационные заметки в „Ведомостях” тяготеют к событийному репортажу – в них дается зримая картинка: о действиях русской армии повествуется в третьем лице, но обязательно с местоимением *наш*: *Наши переправились, наши разбили* (что позже в репортаже превратится в авторское „мы”, „я”) (с. 194).

Авторское отношение к сообщаемой им информации весьма отчетливо прослеживается и при описании положения дел с точки зрения желательности (или нежелательности) выполнения того или иного действия.

Модальное значение желательности, выступающее в своих частных семантических разновидностях (собственно желание, интенсивное желание, намерение, попытка) реализуется в исследуемых газетных

текстах преимущественно с помощью собственно модальных глаголов *хотеть*, *намереваться* (*намериться*), предикатива *намерен*, адвербиального существительного *намерение* в сочетании с зависимым инфинитивом.

Подчеркивая заинтересованность самого субъекта действия в его совершении, автор газетной публикации имплицитно формирует у читателя доверие к представляемым сведениям. Однако квалифицировать их с точки зрения достоверности чаще всего сложно, поскольку, несмотря на то, что осуществление намерений государственных/общественных деятелей вполне ожидаемо, но оно отнесено к плану будущего и вполне может и не состояться.

Например: „Король свейский ныне *намерился* с соединенными в великой полше, и с кардиналом примасом мирный договор *учинить*”; „Во вторник прибыл сюда Светлейший Принц Баденский из Рима для смотра сего города и *намерен* он путь свой в Турин и в Париж *предпринять*”; „Ганноверский резидент же, господин Вебер, взяв потребные пашпорты, поехали в Ревель *с намерением* тамо *быть* все время сей компании”; „Но при том всемилостивейше обнадежил, что Его Цесарского Величества высокое *намерение* к тому *склоняется*, дабы королевства и области и впредь в мире и покое содержать”.

При этом интересно отметить, что употребление в последнем из вышеприведенных примеров формы глагола *обнадежить*, деривационно и семантически связанного с существительным *надежда* (ср. „ожидание чего-л. желаемого, соединенное с уверенностью в возможности осуществления” – МАС⁷), усиливает уверенность автора в том, что описываемое им событие произойдет.

Эффект достоверности сообщаемого возникает и в тех случаях, когда автор сообщает читателям о прошедших событиях, при этом порой снова обнаруживается ситуация „свидетельство очевидца”, когда роли автора газетного текста и участника событий совпадают.

Например: „Третьего дня полковник фон Тренк прибыл к здешнему городу с корпусом пандуров, а понеже мы *сдаться не хотели*, то начал он по нас производить пушечную стрельбу”.

Иногда, напротив, автор подчеркивает некоторую недостоверность имеющихся у него данных, которые он тем не менее считает нужным донести до сведения читателя. Для этого он использует средства (в данном случае – вводное предложение) с общим значением „ссылка на источник

⁷ *Словарь русского языка: В 4 т.*, Москва 1981-1984, т. 2. 1983, с. 343.

информации”, при этом сам источник не назван, скрыт, обозначен неопределенно-личной формой: „*Как говорят, хочет кардинал Косция от всех дел отстать и по совету некоторого иезуита отца Редды свое житие в одиночестве при святых молитвах окончить*”.

Поскольку идентифицировать источник информации в данном случае невозможно, читатель вправе считать источником, с одной стороны, слухи, с другой – некое общественное мнение. Главное же состоит в том, что автор считает необходимым маркировать не проверенную (да и непроверяемую) им информацию с помощью специальных средств, предоставляя возможность читателю составить собственное мнение о прогнозируемом событии.

В более редких случаях средством передачи субъективно-модальных значений выступают в текстах рассматриваемой газеты несобственно модальные глаголы *приуговляться, радеет*, предикатив *готов*, выполняющие соответствующую модальную функцию при употреблении в сочетании с субъектным инфинитивом.

Например: „Из Бреслава пишут, что граф Фончернин *приуговляется* вскоре как Цесарской посол в Париж *отъехать*”; „[...] и *радеет* король польский союз с москвою *совершит*”; „[...] и верно, что соединенные *радеют* мирное дело к ползе речи посполитой *совершит*”; „[...] лесные стрелки и полевые охотники *готовы стоять*, чтоб всем силам неприятельским отпор учинить”.

Интерес, на наш взгляд, представляют единичные примеры использования авторами сообщений префиксального деривата от несобственно модального глагола *мыслить – умыслить*, достаточно широко употреблявшегося в русском языке предшествующего периода в модальном значении „замышлять недоброе”: „Донской князь, вор и богоотступник Кондрашка Булавин *умыслил* во украинских городах и в донских казаках *учинить бунт*”. С помощью данного глагола выражается авторское неодобрение соответствующих намерений описываемого реального исторического лица

Большей степенью объективности характеризуется содержащаяся в рассматриваемых газетных текстах информация о „положении дел”, основанном на необходимости совершения того или иного действия, которая реализуется преимущественно с помощью модальных предикативов *принужден, должен*, несколько реже – безличного глагола *надлежит*.

Например: „Сего дня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя *зело по достоинству* держалась, однако *ж* *принуждена* была *уступить*, токмо *ж* с великим

убытком неприятелю”; „[...] и хотя швейская пехота на сей стороне реки на московские войска и стреляла, однако Москва такой натиск на них учинила, что шведы *принуждены бежать*”; „Иноземные послы зело досадают, что в их посолстве секретарь из обоза швейскаго никакой ведомости не получил, а им *ехать надлежит* на сейм в Люблин”.

Однако авторская субъективно-модальная оценка описываемых событий, в основе которой, например, явная симпатия автора к соотечественникам – участникам описываемых военных действий, все же прослеживается и здесь. Так, в первом примере она актуализуется с помощью оценочного сочетания *зело по достоинству*, во втором примере актуализатором соответствующей служит сочетание *такой натиск учинила*.

В заключение отметим, что представленный анализ особенностей реализации субъективно-модальных значений в тексте первой русской газеты „Ведомости”, сделанные нами наблюдения и выводы имеют лишь предварительный характер. Для более полных и объективных выводов необходим, во-первых, анализ дополнительных языковых средств реализации соответствующих значений, например, средств синтаксиса – риторических вопросов, сложноподчиненных предложений и т.п. Во-вторых, необходима дифференциация фактического материала с учетом специфики газетных жанров и их эволюции в диахронии. А для этого необходимо привлечение данных соответствующего анализа других русских газет, например, газеты „Санкт-Петербургские ведомости”, учрежденной в России Екатериной Второй после смерти Петра Первого, газеты „Московские Ведомости”, начавшей издаваться в конце XVIII и т.д.

Streszczenie

Tekst gazetowy jako środek wyrażenia subiektywno-modalnej oceny faktów historycznych (na materiale pierwszej rosyjskiej gazety „Wiedomosti”)

W artykule na przykładzie pierwszej rosyjskiej gazety drukowanej jest rozpatrywany tekst gazetowy z punktu widzenia specyfiki wyrażania w nim subiektywno-modalnej oceny faktów i wydarzeń historycznych. Ujawniono regularnie występujące sposoby realizacji intencji autorских oraz opisano najczęściej stosowane środki modalne ich eksplikacji.

Summary

*The newspaper text as the expression of subjective-modal estimation of historic facts
(on the material of the first Russian newspaper "Vedomosti")*

The article deals with the newspaper text, which is considered from the point of view of the specificity of the subjective-modal estimation of the historic facts and events based on the first Russian printed newspaper "Vedomosti"; reveals the most regularly realized author's intentions and states the most frequent means of their explication.